

Александр ДЕНИСЕНКО

ВОСПОМИНАНИЙ ГОРЬКИЙ МЕД...

История создания «Гнезда поэтов»*

«Была не была», как говорил Гамлет, хотя, по словам принца Ивана Овчинникова, «Гамлет был глубоко нерусский человек...»

...И вот по весне, когда вскрылась Обь, ко мне на работу в типографию «Советской Сибири» пришел познакомиться черноглазый Владимир Берязев в белом кашне. Его энергичная мягкость и в общем-то необременительная просьба «помочь найти адреса и восстановить речевые и почтовые связи с друзьями-товарищами по ЛИТО» расположили меня к нему, особенно когда он произнес имя Александра Плитченко, который задумал собрать и издать сборник поэтов нашей юности. Конкретно: списаться-созвониться с Евгением Лазарчуком, Владимиром Ярцевым, Николаем Шипиловым, Ниной Садур, Иваном Овчинниковым, Жанной Зыряновой, Анатолием Соколовым, Михаилом Степаненко, Валерием Малышевым, озарить их идеей и собрать с них оброк по 300 строк (по пол-листа). Срок — от Благовещенья до Троицы. Благослови, Господь! Я пояснил: Нина и Николай штурмуют Москву, Евгений оседло живет в нашем Куйбышеве, Валера Малышев в Дзезказгане на стройке, должен вот-вот быть... Звоню вечером Ивану, тот: «Стихи у ребят хорошие, что ж не продать...»

Написал всем по письму, с кем мог — созвонился. Женя Лазарчук поначалу решительно отверг, отрезал, Коля тоже замялся, пояснил: «Я все же по преимуществу прозаик, но, коль надо для артели, на один лист насобираю, с Ниной поговорю-перетолкую, а Лазарчуку напишу военно-товарищеское письмо для подкрепления». Впоследствии оказалось, что принципиальное согласие и товарищеский авторитет Николая немало поспособствовали делу. Понятно, что реальная жизнь оказалась ближе к прозе, но Ярцев, Овчинников, Булатов, Степаненко, Денисенко, Соколов внесли свои паи. Каким-то чутьем или провидением о сем узнала Жанна Зырянова, находившаяся временно вне города по командировке солидного учреждения: «А как же я?!» Ситуацию спас вернувшийся с заработков Валера Малышев: «Скажи ей, что место для нее будет. У меня предполагается издание своей книги у Жигалкина**. Только не говори ей, что я уступаю ей место. Не говори! Дай слово! А с Плитченко я поговорю сам, объясню».

* Из архива Александра Денисенко.

** В. А. Жигалкин — директор Западно-Сибирского книжного издательства.

Ну, в общем, дело начало слаживаться, да и соскучились друг по другу. Никто не задавался вопросом «Разве такое возможно?», веря Александру Плитченко, как верят старшему брату. К тому же он сам был выходец из фоянковско-го литгнезда. Все вдруг вспомнили, что «жизнь — яко липовый цвет», который пьянит и кружит голову, но быстро осыпается... Подспудно, интуитивно мы смутно догадывались, что гармонизировать этот массив разнохарактерных текстов будет не просто, что подтвердилось: пошли возражения против Мишиной резкости, цветаевщины Жанны, со стороны появились «пришельцы», как называл их Соколов. Хотя за бортом остались те, кто все же был нам ближе по духу: Петр Кошель, Валерий Ржанников, Виктор Сайдаков, Володя Громов, Володя Романов...

Я могу только догадываться, какой для издателей это был тяжкий выбор...

...Был момент по жизни, когда Александр Иванович пригласил меня вслед за Володей Ярцевым на работу в молодое издательство, в Сибирское отделение «Детской литературы», и в один из первых дней, спеша на службу, я купил у лотчицы на привокзальной площади цветную (!) полиграфическую карту своего родного Мошковского района, а Александр Иванович, приехав на электричке из Сеятеля (Сиэтла, как шутил он), где жил, набрел на ту же лотчицу и выкупил не только свой Каргатский район, а еще и всю карту НСО. В редакции он приладил ее рядом с небольшой иконкой Владимирской Божией Матери, велел мне закрыть глаза и тыкать пальцем в карту на предмет: где живут у нас поэты? Я ткнул: Почта! «Почта — это Толя Сорокин. Тыкай дальше». Барышево — Нина Грехова, Ефремовка — Женя Лазарчук. Сузун? Сузун — это братья Заволокины и Михаил Щукин — наш сибирский прозаик. «Тыкай дальше». Ояш — вотчина Геннадия Карпунина, автора «Синильги», переводов «Слова о полку...», — единственного из наших поэтов, занесенного в Большую российскую энциклопедию. «Какой хороший человек приехал к нам. Какой хороший...» — пробасил Плитченко. Так мы пропальпировали всю карту, и Александр Иванович, огладив ее ласковым круговым движением, как милую женщину, подытожил: «Куда ни ткни, Саша, везде у нас произрастают хорошие поэты... потому что земля у нас богатая...»

И уже много позже я осознал, что стоял у карты рядом с удивительным человеком, который умел видеть глубоко-пронзительно, мгновенно обобщать и выражать суть в предельно концентрированной форме, поражающей своей ясностью, доступностью и поэтичностью, человеком, буквально открывшим за минуту целый поэтический атлас НСО, человеком, написавшим за пределами светлые и глубоко сокровенные поэтические новеллы «Надежник», «Планета Кольвань», «Небесная Сибирь», «В городе моем светло» — светло и у тех на душе, кто имел счастье знать этого горячего, гордого и сердечного человека и дружить с ним. Сколько же он для нас, птиц, сделал хорошего, доброго, долговечного, как свитое им любимое его детище «Гнездо поэтов».

Время течет все время...

...В последнее время он *торопился*; большой, грузный, как Жан Габен, погруженный, ушедший в себя, он, вероятно, уже чувствовал, что загнал вороных своей судьбы, и потому работал без отдыха, на износ. И если кто-то пытался шуткой отвлечь его: «Все, Иваныч, шабаш, полдень, адмиральский час: пора вермут пить...» — он только грустно улыбался и опять склонялся над компьютером, грудой рукописей и писем в «Горницу», статей в газеты и лишь изредка отшучивался: мол, мы, мужики, — двигатели внутреннего сгорания...

И все чаще и чаще в его стихах явственно стала проступать мысль о том, что хочется идти обдуманно, не с праздными руками и рассеянным взором, а выбирая каждый раз осторожными стопами эту свою последнюю дорожку на малую родину. Конечно, он тяжело страдал: дорвавшиеся до власти холуи устроили в своей «демпresse» настоящую травлю А. Плитченко — поэта, гражданина и патриота, так много сделавшего для своего города! За это и травили...

...За несколько месяцев до своего успения, осенью 1997 года Александр Иванович написал: «У меня есть родина. Не сознание родины, а чувство. Как чувство блаженства, как чувство тепла, света, как зрение. И как безмерно счастлив тот, чья родина не истаяла, чье родное село стоит себе, и можно пройти по улице, зайти в дом, где родился и жил... Иначе живешь, ощущая над прекрасной осенней землей, над родной почвой — пресветлую Небесную Сибирь, свет и сила которой держит нас в жизни, показывает путь, чтобы не погрязли мы в суете и мелочах, но старались приблизиться к вечной родине — к Небесной Сибири. Чтобы порадоваться еще одной возможности послужить родной земле, отдать ей хотя бы частичку того, чем она безмерно одарила нас, благословив родиться и вырасти под вечным светом Небесной Сибири. Мы счастливы. У нас есть родина».

...А за десять лет до этого, сдавая свои рукописи в «Гнездо», мы... из новой юности возвращались в юность.

Нина Садур, психологически чувствуя драматизм ситуации, убедила Шипилова, что стихи у нее «детские, наивные: о счастье, цветах, о детях Гольфстрима... и вообще на объем не собрать...» Но, к чести ее и благородству, во всех своих насыщенных реактивных интервью она с гордой нежностью отзывалась о друзьях юности: «Все мы, как только теперь я поняла, отличались какой-то особой повадкой, и повадка эта была безошибочно красивая...» С Николаем установилась интенсивная переписка; до сих пор в памяти, в отделе «радость», сохранился его адрес: 127254, Москва, ул. Добролюбова, 11, общежитие ВЛК, к. 713, Шипилову Н. А. Позднее там жил и Владимир Берязев — в пору своего обучения в Литинституте. А после сколько я ему кричал, уговаривал: хватит таскаться в Москву, давай создадим в Новосибирске Сибирский институт ПОЭЗИИ, к нам вся Сибирь, вся молодая страна хлынет, ты — ректором будешь! «Угу. Но сначала — сборник!»

Решили: пишем дуплетом с Николаем по два-три «письма чести» его превосходительству Евгению Александровичу Лазарчуку, и — чудо: наши вопли, зазывания, укоризны, давление на честь и совесть возымели свое действие... Лазарчук ответил: «Если все будут вместе, тогда и я с вами!» Он сдержал товарищеское слово. И это было принципиально важно: недаром «Гнездо» начинается с его локомотивной подборки. Но впереди предстояли затяжные маневры, и главный из них — отстаивание подборки Михаила Степаненко «Остановимся».

Между тем события (и нешуточные) шли своим чередом: А. Плитченко с М. Щукиным, В. Мальшевым бьются за собор Александра Невского, Карпунин через меня просит у Шипилова «много рассказов» для «Сибогней». Плитченко утверждают главным редактором только что созданного Сибирского отделения «Детской литературы», Берязев у него в команде, и он же — главред молодежного альманаха «Мангазея». Жанна хлопочет о своей чести. И остается с ней... Она в неволе выпускает стенгазету, ее все любят, но при выходе из учреждения руководительница его, страстно влюбленная в Жаннины стихи, ревностно

отбирает все написанное, и бедная Жанна довольствуется лишь тем, что смогла сохранить и вынести на волю в своей волшебной голове. На улице мы с Иваном Овчинниковым столкнулись с Маковским и тот, отвернувшись всей спиной, сравнил нас с сельскохозяйственными животными и товарищескими предателями (это, видимо, была реакция на неловкое положение Миши Степаненко). В этот же день и час звонит Жанна Зырянова и объявляет, что Плитченко вставляет ее в книгу. Звоню Берязеву, он подтверждает и добавляет, что Степаненко не будет, поскольку «он потянет качество всей книги вниз». Полный бред. Плохо было то, что мы с Иваном накануне ходили как крепостные в издательство. Александр Иванович был отчего-то печален, задумчив; вернул нам его подборку (400 строк) и велел резать до 300, с привлечением составителя Владимира Берязева. На том и порешили и успокоились, и вдруг опять — полный отказ, но хуже всего еще и разногласия, так как Соколов сказал, что от Мишиных стихов ему «ни холодно, ни жарко», плюс к этому — явный нейтралитет В. Ярцева. А между тем Михаил был человеком большой глубины, сложности, тонкости, деликатности. Он, выросший в суровых условиях Ельцовки, ельцовского Гарлема, через самообразование выработался в прекрасного самобытного поэта, беспрекословного авторитета в товариществе, надежнейшего и верного скоропомощника в жизненных испытаниях. Отслуживший четыре года в Западной группе войск в Германии, присылавший нам на Родину светлые письма со стихами, он, полный упований и надежд, вдруг столкнулся с полным непониманием и отрицанием. Он был из всех нас единственным, кто мог двумя-тремя ошеломляющими отцовскими седативными словами останавливать кровопролитные споры Маковского и Овчинникова. Жанна плакала и ломала руки в пользу Миши, но оказалось, что дело не в ней и не в противопоставлении, так как при восьми листах, которые были отпущены на всех птиц, хватало места и ей, и Михаилу (в реальности оказалось даже больше — девять). Из чего же все это выросло? Берязев говорит, что сам Плитченко оценивает уровень сборника как «супервысокий». И что присланная подборка Н. Шипилова еще больше его приподняла.

У всех своя правда и свое право, но мы с Иваном и Николаем просто не могли понять и поверить в то, что можно не заметить особую Мишину взрывную энергию в его текстах и глубокие толчки внутри стихов, от которых просто щемит сердце. Иван дюже разозлился:

— Мы же сибиряки, считай, люди северные. А как же без удали-то?!

— Ты прав, Иван, когда Пушкину было 18 лет, Вяземский написал Н. Тургеневу: «Пушкин погубит нас и наших отцов. Его надобно посадить в желтый дом...»

И дело тут даже не в принципе, а в том, что я только недавно, старый дурак, понял через муку в его глазах: что он, при его гордости и ранимости, узнав, что его стихи стоят под боем, стиснув зубы, терпел эту муку единственно из высокого товарищества, чтобы поддержать нашу юность, — то есть он не бросил братство, не вышел из игры, не хлопнул дверью, а ведь Михаил среди нас один, кто мог из-за стихов принципиально застрелиться. Однако в нашей ситуации об истине нечего заботиться — пуля съест виноватого. Михаил был большой человек и большой поэт, настоящий! Но не зря говорят: большое дерево притягивает молнию...

То же самое и Мальшев: разве ж ему, атаману, предводителю, старосте ЛИТО, из которого вышел и Миша, и все мы, не хотелось побыть с нами в общей книге, в сборнике? Бывало, после заседаний он вел нас в какую-нибудь

ресторацию, куда нам, гольгѣбе, и ходу-то не было, но, достав билет бригад-милѣца и вдобавок волшебный документ (СССР. Корреспондентское удостоверение № 36 выдано Малышеву Валерию Викторовичу, корреспонденту газеты «Кадры стройки». Печать. Продлено до 1989 года), Малышев гордо проводил всю кавалькаду мимо оцепеневшего швейцара...

К слову сказать, во все времена, на каких должностях бы он ни работал, узнав, что кто-то из нас бедствует, он мгновенно приходил на помощь: находил работу, трудоустраивал, подкармливал, отрицая и пресекая всякий дух сомнения и колебания, в том числе и в отношении поэзии — работать по-монастырски, без шумихи, но твердо, уверенно и результативно. А вообще в те годы «по литературе» многих из нас «тренировали» такие авторитетные и возвышенные учреждения, как ЖКО, ЖКХ, ЖЭУ, которые давали возможность «без отрыва от производства» не только постигать и осваивать по ночам в многочисленных бойлерных, сторожках, вагончиках, кочегарках, котельных «шедевры мировой классики», но и самим создавать свою вольнолюбивую, пусть и угловато-угольную, но искреннюю, суровую и наивную *сторожевую* поэзию, откуда вышли все лорды-истопники, пэры-кочегары, принцы-сантехники российской поэзии. Это была тайная литературная Академия, давшая немало славных имен, хотя сейчас об этом редко кто вспоминает, словно и не было этого километра советской жизни и искусства. Нашего непростого наследия.

В Новосибирске в то время существовало более десятка литобъединений. И все же по всеобщему признанию в ЛИТО-ФИО, как мы в шутку именовали наше пристанище (по фамилии, имени, отчеству основателя — Фoniaкова Ильи Олеговича), жил какой-то особый творческий дух... особый пьянящий весенний кислород, чему способствовал сам ФИО.

Невысокого (среднего) роста, короткие мягкие волосы зачесаны назад, высокий лоб, аккуратная, тоже мягкая, бородка, жизнерадостная, располагающая улыбка. Одежда тоже мягких тонов. Но иногда и простая клетчатая ковбойка. Учитель, училищник, мудерис, ачарья, махатма, сенсей, гуру (как мы его дружественно и почтительно именовали) был совершенно искренне убежден, что научиться можно всему — даже писать стихи. С этим, конечно, можно поспорить, а поспорить на ЛИТО — милое дело: общеизвестны поэтические амбиции и потаенная ревность друг к другу служителей Аполлона, достаточно вспомнить блоковские строки из стихотворения «Поэты»:

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого с надменной улыбкой...

И это тоже бывало: молодая бурса, не склонная к пуританизму, иногда во время перекуров от души изливала свое вольнодумство через чтение якобы «крамольных» текстов собственного изготовления, а когда в жарких баталиях не хватало слов — в споры вмешивался авторитетнейший портвейн, вермут или рубин: «Когда напивались, то в дружбе клялись...»

«Вещий Олегович» имел особенный внутренний такт: он не обходил вниманием практически ни одного семинариста — особо отмечал и поощрял ранние опыты Олега Садура, благоволил к расцветающему на глазах огромному дарованию Евгения Лазарчука, благожелательно отнесся к стихам, наполненным

самой жизнью, Владимира Землянова. Николая Шпилова и Александра Денисенко хотел снабдить своими весомыми рекомендациями для поступления в Томский университет, а Нине Садур настойчиво предлагал уехать на стройку БАМа, «окупиться в кипящую жизнь», хотя юная Нина сопротивлялась и категорически не хотела окунаться, а если бы дерзнула, то неизвестно, чем бы закончилась эта стройка века... Чуть позже в подобной ситуации, когда Дима, супруг Жанны Зыряновой, собирался забрать ее, чтобы вместе уехать на ПМЖ в Германию, а нам, конечно, не хотелось терять в ее лице единственную среди нас авторессу и товарищеского друга, Овчинников и Малышев, хорошо зная врожденную Жаннину нелюбовь к дисциплине, мудро решили: вот и хорошо, пусть едет — наконец-то мы отомстим немцам по полной!!!

...А жизнь между тем продолжалась... Выходили и до «Гнезда» оригинальные сборники. «Первые строки» (лирика молодых): 41 автор (!), где рядышком, казалось бы, антиподы — патриот Малышев и нынешний американский подданный Мелодьев. И совсем юная Юлия Леонидовна Пивоварова. Через два года, в 1983-м, прозвучал «Зеленый взрыв» — совместный сборник новосибирцев и томичей. Это была «эпоха поэзии», время самородков.

И это была как бы некая сухая поэтическая амнистия, обещающая выпустить на волю щемящую волну стихов, вызванную правдой и горечью русского мироощущения, тут же попавшая под сильный западный ветер, который, как известно, быстро сушит мозги и литературные слезы: мало кто устоял перед искушением отпечатать свои морщины на заграничной бумаге, мало кто не ушел в затвор или распыловку. А не печаль! В России (по словам Берязева) поэты заводятся из ничего, как мыши.

Патриархальная часть молодой поэзии, искушаемая тишиной алкоголя, вновь вернулась в русло подпольной поэзии шестидесятых годов с ее перевернутыми буквами, с угнетением синтаксиса — и вновь ударилась в удалую экстремальную лирику, обильно снабженную дадаистскими приемами, но добрую и разноцветную по своей сути. И вот на старой «литовской» дороге, по которой когда-то щемящей ватагой босиком прошли шестидесятники, вновь поднимается нежная русофильская пыль от отечественных пяток в обувке фирмы «Адидас». Пыль все та же, но следы не совпадают...

А не печаль! Тот, кто с самого начала писал натуральными неперевернутыми буквами, кто не плакал в стихах напоказ, тот имеет сегодня счастье оставаться самим собой. Немногие остались верны той «литовской» дороге, но им есть чем гордиться, ибо ни один из них не издал книгу в свином переплете, на запах которой сбегаются все литературные крысы.

У Музы тяжкая рука, но никогда она не ударит
Поэта бедного, пока он на груди ея рыдает...

Валерий Малышев, к слову сказать, еще тогда предлагал кормить за счет государства в простых обычных закусовых и столовках тех поэтов, кому недоступна, как луна, гонорарная система оплаты литературного труда, а по выходным поощрять рюмкой водки, поскольку работать поэтом хотя бы 20 минут в день на сухую — это не каждому дано. И совсем не случайно Александр Плитченко, наделенный сверхвысокой социальной чувствительностью и один из немногих ощущавший еще тогда подземные тектонические толчки, которые вскоре

разрушат государство, занялся с товарищами по духу укрепительными работами, в том числе подтянул и нас, устроил «смотр боевых поэтических сил». Несомненно, он спас тем самым с добрый десяток поэтических судеб, ведь к этому времени мы, бывшие «литовцы», все уже шли вразнобой и вслепую. Конечно, он рисковал по-крупному, включая в редакционный план сборник никому не известных авторов, кроме двух — Мартина Мелодьева и Евгения Миниярова, уже печатавшихся до этого в коллективных сборниках, а в ситуации с Михаилом ему надо было понять, сохранились ли в «команде» былая честь, порядочность и готовность постоять «за други своя». И это был серьезный экзамен... В конце концов, мы же не слепые и тоже в стихах кое-что кумекаем! Надо сказать, что и Владимир Берязев, как составитель, проникся духом книги, сумел найти верный тон, сочетавший уважительную деликатность и необходимую требовательность, где она была уместна. Примером тому их синхронная работа с Михаилом Степаненко над его подборкой. Отсутствие Маковского по звезде дружбы было чувствительным — с одной стороны, он хорошо бы уравновешивал одушевленный классицизм Володи Ярцева и держал силовое напряжение в постоянном титаническом противостоянии с алтайской энергетикой Ивана, а вот на фоне суровой метафоричности Соколова и Юнилевых городских баллад, всегда с завораживающей узнаваемой картинкой, и высокохудожественного проникающего текста Лазарчука импульсивный стиль Маковского уже не кажется таким убедительным, — пусть на это ответит нынешний обновленный вариант «Гнезда» с Маковским и Малышевым.

...Вскоре состоялось решительное собрание на ул. Свердлова, 13 (над картинной галереей), в голубой квартире Соколова. Приехал Женя Лазарчук, да мы с Иваном, Толя вышел из больницы после шунтирования, да Ярцев. Мишу решили не посвящать, не рвать сердце, зато призвали Берязева и спросили: как и что? Он честно сказал, что редакция желала бы добавить к нам двух-трех человек: Мелодьева, Миниярова и... и... и... а кого-то из наших попросить вон. Тут встал Соколов и на правах хозяина сматерился... Все по очереди горячо заговорили, и я сказал, что слóва заочно просил Николай Шипилов, и включил на плеере песню «Это наша территория». У Лазарчука повлажнели глаза, он громыхнул кулаком по столу: «Я сам переговорю с Плитченко, Коля прав — это наша территория! Почему мы в своем “Гнезде” должны жить на птичьих правах?»

Берязев сказал: коли так, то я вам буду помогать. Я добавил, что нужно строить сборник на старой товарищеской основе, чтобы был цельный организм, пусть даже со старыми шрамами юности, но не увечить его... Что касается ЛИТО — то это наш потерянный рай.

А не печаль! Иван кивнул: «Я утресь встретил знакомого по школе, по “десятке”. Чужой стал пречужой, даже не поздоровался... Похож на меня, и одного роста, а кажется выше на полголовы — мерзавец! Жаль, что у меня нет слуги, он бы его отдубасил».

...Хорошая новость: Лазарчук, как и обещал, звонил Плитченко. Тот поблагодарил нас за «сотрясение мозгов» и дал свое принципиальное согласие — теперь мы снова все вместе! Зазяря радовались: опять отодвигают Жанну (из-за всего в комплексе), Мишу — из-за «мрачности». Однако шипиловская и лазарчукская подмога уже работают. Лазарчуку, конечно, несладко быть земским коммунистом, мы это понимаем: и зубы рвать и свои успевай подбирать...

Слава богу, Евгений с нами, у него в «Гнезде» — особый цвет и сила, а что мы вообще потеряли бы в его лице — я и думать себе запрещаю. То был бы, верно, национальный поэт: в 16 лет уже свободно разговаривал в стихах своим голосом: естественно, серьезно, глубоко, с размахом!

По городу прошел слух, что Плитченко дал много эпитетов подборке Анатолия Соколова, и тот ходит по издательству под пушкинским № 1. Надо сказать, что деятельное участие Николая и Евгения сильно подняло проценты, а попросту склеило, воодушевило всех, и всяк вспоминает их добрым словом. Малышева жалко: ему в «Новом мире» отрезали все органы, то есть стихи изрядно обкромсали, но он крепкой породы, улыбается золотым зубом: органы *новые* вырастут... Еще говорят, что контора грозит в начале февраля выдать на каждого фуражного поэта по 200—300 р. аванса. Жаль, не хватило нам времени на более тщательную «доработку» подборок — это было бы «явление на Руси!» Но мы тогда и думать не думали, что наше выстраданное «Гнездо поэтов» исторически окажется последним советским коллективным поэтическим сборником в славном граде Новосибирске. Хотя эта профессиональная художественная связка А. Плитченко — В. Берязев выдала еще и «Мангазейю», и «Слуховое окно», и «Старую мельницу» и, с подачи Михаила Щукина (гл. редактор), прекрасную «Горницу»...

У Владимира Алексеевича Берязева-Мангазейского была природная склонность к книгоиздательскому делу: «Слон» Петра Степанова, «Ведьмины слезки» Нины Садур, в 90-м вышли «Июлия» Станислава Михайлова, «Волчья грива» Александра Плитченко, «Стихотворения» Эрты Падериной, потом залпом: «Заблуждения» Маковского, «Незванное» Жанны Зыряновой-Осмоловской, «Спартакровский мост» Анатолия Соколова, «Грустная память» Володи Ярцева, потом Панфилов, Булатов, Степаненко, но первое, в 89-м, было все же «Гнездо».

Наше! Советское! Коллективное! Шампанское! Как было хорошо! Плачь, сердце, плачь... Жили, прямо скажем, небогато, зачастую не имея «ни мяса опосума, ни картошки, ни портвейна». И тем не менее каждый от души вкладывал в общее дело по 100 грамм стихов, а не просто желал инвестировать свои мозги в литературу. Но воздух с каждым днем заметно густел, чувствовалось, что страна дышит тяжело, задыхается. А мы, грешники, продолжали суеверно вить свое артельное «Гнездо»... Боюсь, что мы поступали как матросы, которые так же суеверно крестят водяные столбы надвигающихся смерчей, стреляют в них ядрами из пушек, и те либо останавливаются, либо сворачивают, либо разбиваются... И наконец, о самом приятном, о женщинах: «Любая, но не каждая!» — девиз далекой юности...

...Николай Шпилов с оказией прислал из Москвы драгоценную пленку: написал несколько песен на стихи «гнездовцев», да еще новосибирские записи в свой приезд, у Ивана на фольклорном крыльце, — там и Валера Малышев ему изрядно подпевал на есенинский манер, и Жанна, единственная авторесса «Гнезда», сильно тянула грубовато-грудным голосом. Хорошо бы к этому добавить Мишин неистовый баян, плюс соколовскую и иорданскую гитары, плюс кларнет Маковского, который наконец-то понял подоплеку непростой обороны за Михаила. Оказалось, что «Гнездо» выдержало все эти ветры-испытания, окрепло, прижилось.

И еще.

...Дело было так: Соколова Толю положили под Академгородком в клинику — предстояло шунтирование. Мы с Володей Ярцевым поехали навестить.

Весна. «Икарус» ревет, по обочине стайкой бегут местные задвинутые джоггеры: бег трусцой под выхлопными газами. Шофер, поравнявшись, иронически выхлопнул им свежую порцию...

Из окна второго этажа больнички Толя показал нам свое сиденье, густо испещренное уколами, и выпустил бумажный самолетик со стихами на борту:

В оттопыренном кармане у Дениса —
Трехсемерочный портвейн,
То же самое содержит
Вовы Янцева портфель.

В вестибюле обнялись, обменялись новостями. Толя, прихрамывая, вышел проводить нас до больничного скверика и выдал пластмассовый стаканчик: весна...

На обратном пути (с другой стороны дороги) была панорама: качающееся на продувном весеннем ветру в осиннике огромное потемневшее гнездо, птицы, сосредоточенно танцующие вокруг него, их ликующие, тревожно-озабоченные крики, — я толкаю Володю в плечо: «Гнездо... поэтов...» Он добавляет: «Так будет называться наш сборник!»

